

Г. И. Мясоѣдовъ. „Адамъ Мицкевичъ читаетъ свою поэму въ салонѣ княгини Волконской“.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 16—17. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 1 СЕНТЯБРЯ 1914 г. ПЕТРОГРАДЪ.

ДВА ТАИНСТВЕННЫХЪ ДВОРЦА РАЗУМОВСКИХЪ.

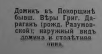
Послѣдній гетманъ Малороссіи гр. Кир. Григ. Разумовскій.
(Портретъ раб. Токэ).

I.

БАТУРИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Недавно еще покинутымъ, разру[illegible] въ видѣ руинъ, стоялъ на берегу [illegible] гордый дворецъ послѣдняго гетмана [illegible]. Засыхающія деревья—остатки прелестнаго [illegible]нувшагося позади дворца. Одинъ уцѣлѣвшій [illegible] убогая ограда, изрытая войсками во время [illegible] ученій земля когда-то бывшаго передъ [illegible] партерра... Вотъ, что окружало дворецъ.

Нельзя было добраться безъ приставной лѣстницы во второй этажъ. А тамъ, на длинной узкой террасѣ, образуемой выступомъ стѣны перваго этажа, у основанія величественныхъ колоннъ, подпиравшихъ остатки фронтона, казалось, готоваго рухнуть ежеминутно, уже росла трава и зеленѣлъ кустарникъ. Отбиты были куски каменныхъ базъ колоннъ, поломаны наличники оконъ, выбиты рамы..., т. е. видны слѣды варварскаго хищенія, можно подумать надруганія. А между стройныхъ колоннъ открывается своею красотою щемящій сердце, божественный типичностью, полный нѣжныхъ линій, грусти далекій видъ на душистые, заливные луга, на синіе лѣса, на монастырь Крупецкій и бѣлыя хатки селъ раз-

Домикъ въ Покорщинѣ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской); наружный видъ домика и столѣтняя липа.

Бывшій дворецъ гетмана графа Кир. Григ. Разумовскаго (послѣ реставраціи).

бросанныхъ по изумрудному ковру луговъ. Покинутый, угрюмый въ осенніе дни, усыпанный листьями, опушенный зимой снѣжкомъ. Ночью завыванія вѣтра между колоннъ, стучащаго и хлопающаго провалившимися досками, оторванною кровлею... Дворецъ былъ образомъ, навѣвающимъ поэтическое вдохновеніе, всегда оставался, даже въ видѣ руинъ, прекраснымъ плодомъ фантазіи и твореніемъ лучшаго мастера-строителя, живымъ свидѣтелемъ большого вкуса и культурности владѣтеля.

* * *

Наступилъ возвратъ любви къ красивымъ формамъ строительства. Проснулось сознаніе необходимости беречь остатки былого высокаго состоянія искусствъ и ремеслъ.

Дворецъ былъ изъятъ отъ послѣдняго собственника—Военнаго Министерства, столь небрежно относившагося къ своему достоянію — и переданъ въ вѣдѣніе молодого „Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины".

Поѣхали на мѣсто командированные О-вомъ члены, зодчіе; пріостановленъ былъ грабежъ, сдѣлана ограда. Нашлись и средства на ремонтъ, небольшія сначала, но достаточныя для того, чтобы предотвратить сооруженія отъ дальнѣйшей гибели. Обмѣрявшій дворецъ, по порученію Академіи Художествъ, архитекторъ А. Е. Бѣлоградъ, началъ съ того, что покрылъ зданіе крышею, возстановилъ два купола на боковыхъ фасадахъ и починилъ карнизы и полы. Въ слѣдующемъ году удалось выполнить работы по возстановленію совсѣмъ погибшихъ частей терассы задняго фасада, подпертой массивными столбами.

Частная поддержка дѣлу „реставраціи" дворца ограничилась пожертвованіями графа К. Л. Разумовскаго, св. кн. М. К. и К. А. Горчаковыхъ и еще двухъ-трехъ лицъ; теперь доканчивать ремонтъ предполагаетъ Конотопское уѣздное земство, имѣющее цѣлью основать здѣсь учительскій институтъ.

Жалко мечты, грустно разстаться съ той поэтической оболочкой, которая была вокругъ старинныхъ стѣнъ. Здѣсь не станетъ больше витать духъ покойнаго гетмана: все будетъ вычищено, прибрано, и гамъ и крики учениковъ заглушатъ шумъ столѣтнихъ деревьевъ.

Но пока дворецъ, частью возстановленный, еще не обитаемъ,—и пусть витаютъ въ немъ души людей минувшаго; вокругъ него мечта художника, поэта пусть создаетъ образы, картины, сплетаетъ цѣлые романы и видитъ краски, пышные уборы, балы и, словомъ, жизнь былую...

„Ѣдетъ къ Вамъ въ Батуринъ компанія: Елизавета Кирилловна съ дѣтьми; и гдѣ размѣстится такое людство"—

3-го мая 1802 г. писалъ сынъ владѣтеля дома.

Желтые листки старинная верже... Восемьдесятъ писемъ 1800—1802 годовъ проливаютъ много свѣта на условія постройки, на характеръ отношеній, на всю жизнь того времени въ Батуринѣ.

Всѣ мелочи вкусовъ, привычекъ, обычаевъ, условій переѣзда, пересылки; рядомъ съ ними, переплетаясь въ одинъ общій разсказъ, событія государственныя, назначенія, перемѣщенія, браки...

Все это разсказываютъ намъ восемьдесятъ писемъ современника постройки Батуринскаго дворца, очевидца его возникновенія и отдѣлки его залъ.

* * *

Прежде чѣмъ перейти къ описанію богатства и великолѣпія, которыя въ себѣ заключалъ дворецъ, коснемся вообще вопроса о томъ, какъ въ глуши Россіи (хотя Батуринъ и былъ до Глухова, т. е. въ XVIII вѣкѣ, столицею Гетманщины) могли вообще возникать подобныя сооруженія.

Дѣло въ томъ, что „хотя въ Московской Руси", говоритъ знатокъ исторіи искусства на Украйнѣ К. В. Шероцкій, „и пробивалось западное вліяніе, всетаки центромъ новаго русскаго просвѣщенія и особенно русской художественной дѣятельности были (даже послѣ Петра Великаго)—южныя земли...

...Во времена Разумовскаго и Румянцева гетманщина была центромъ художественныхъ затѣй для всего Россійскаго Двора. Отсюда вышли лучшіе русскіе художники—Антроповъ, Левицкій, Боровиковскій.

При посредствѣ даровыхъ рукъ и нахлынувшихъ денежныхъ пожалованій отъ Двора, развертывается и болѣе широкое строительство во вкусѣ новаго времени. Сначала здѣсь работалъ Растрелли, потомъ Камеронъ, Кваренги, Де-Ла-Моттъ. Они произвели переворотъ въ мѣстныхъ вкусахъ, но съ другой стороны и сами прониклись ихъ духомъ и примкнули къ старому мѣстному декоративному искусству. Лучшій примѣръ этого—„Батуринскій Дворецъ".

Мы думаемъ, дѣло обстояло проще.

Безъ особыхъ „мѣстныхъ" вліяній, приглашаемы были изъ Италіи (Ринальди) или изъ Петербурга лучшіе и во вкусѣ времени строители. Послѣ Львова или Квасова богатѣйшіе владѣтели на Украйнѣ вызывали Ла-Мотта (Почепъ), Менеласа (Яготинъ),

Бывшій дворецъ гетмана графа Кир. Григ. Разумовскаго (фасадъ зданія до реставраціи).

кн. Репнина и другихъ зодчихъ. Такъ, пріѣхалъ въ Батуринъ и авторъ дворца—Камеронъ.

Обзоръ архитектурнаго наслѣдія, оставленнаго членами семейства гр. Разумовскихъ можетъ составить лучшую страницу въ исторіи зодчества Россіи. Въ Черниговскомъ краѣ сохранилось особенно много памятниковъ искусства.

Въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ стилей, начиная отъ Елисаветинскаго барокко и кончая зарожденіемъ итальянскаго классицизма, выполнены были многочисленныя сооруженія. И ничего нѣтъ страннаго, поэтому, въ возникновеніи этого замѣчательнаго дворца на берегахъ Сейма.

* * *

Изъ вышеупомянутыхъ писемъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго къ графу Гудовичу мы знаемъ—какъ и для кого построенъ былъ дворецъ.

Оказывается, что подтверждаютъ и найденные въ архивѣ кн. Н. В. Репнина планы, дворецъ построенъ Ч. Камерономъ. Львовъ строилъ въ Москвѣ для Разумовскихъ, а Менеласъ позже и не въ Батуринѣ. Ринальди же былъ ранѣе вызванъ въ Петербургъ.

Дворецъ былъ законченъ незадолго до смерти гетмана (1803 г.).

Прошло свыше ста лѣтъ, и мы все еще можемъ любоваться этимъ итальянизированнымъ сооруженіемъ. Творчеству Камерона свойственнѣе всѣхъ прочихъ мастеровъ были основы, завѣщанныя сѣверными итальянскими зодчими. Не соотвѣтствовалъ бы пріему Кваренги ордеръ колоннъ—слишкомъ элегантный, не могъ Ринальди, типичный зодчій Людовика XVI, стать такимъ классикомъ. А между тѣмъ для Камерона былъ столь близокъ греческій характеръ ордера колоннъ (капитель типа Эрехтейона). Одинъ Камеронъ умѣлъ использовать компактность упрощеннаго итальянскаго плана усадебъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставался не только палладіанцемъ. Съ другой стороны всѣ отличительные признаки обработки виллъ „Scuola Palladiana" налицо во дворцѣ Батурина: арка, соединяющая портикъ съ домомъ, наиболѣе показательна.

* * *

Дворецъ не великъ по размѣрамъ, но идеально выработанный планъ его — компактный и пропорціональный—способствовалъ тому, что, не производя впечатлѣнія большого зданія, дворецъ очень помѣстителенъ. Въ нижнемъ этажѣ его находились столовыя и служебныя, бель-этажъ состоялъ изъ пышныхъ пріемныхъ залъ; въ нихъ гетманъ, судя по описаніямъ, выставлялъ тѣ предметы, которые напоминали бы его гостямъ о его крестьянскомъ происхожденіи. Въ мезонинѣ были домашнія помѣщенія. Изъ двухъ обширныхъ флигелей одинъ, уцѣлѣвшій, напоминаетъ намъ о томъ—какъ велико было количество служащихъ при дворѣ. Корридорной системы двухъ-этажный флигель заключалъ нѣсколько десятковъ комнатъ.

Переходя къ описанію художественно-архитектурнаго вида дворца, отмѣтимъ прелестные полукруглые выступы на боковыхъ фасадахъ. [illegible] ихъ отличаются удивительной выработкой орнаментальныхъ деталей. Прелестно нарисованъ [illegible] сооруженіе карнизъ. Уютна была терраса [illegible] фасада (въ садъ). Фасадъ флигеля интересенъ [illegible]ряющимися не книзу, а кверху пилястрами ([illegible] вліяніе). Садъ былъ засаженъ звѣздообразно расположенными аллеями липъ.

Въ тѣ времена была распространена любовь къ сильной окраскѣ стѣнъ въ лазоревый и розовый тона. И вотъ „особенно эффектною была,—говоритъ К. В. Шероцкій,—окраска стѣнъ Батуринскаго дворца. Синій фонъ обширныхъ залъ былъ сплошь покрытъ густой золоченой рѣзьбою, изображающею гетманскіе клейноды (гербы, доспѣхи) и т. п. мотивы. Но исчезли рамы, лѣстничныя ступени, перила, рѣшетки, полы когда-то, вѣроятно, великолѣпной работы. Прелестно сохранились до нашего времени лишь внутренніе карнизы и штукатурныя тяги тончайшей работы. Особенно хорошо видна часть лѣпки карнизовъ въ полукруглыхъ залахъ. Отъ печей уцѣлѣло лишь нѣсколько синихъ кафлей, да цоколь одной изъ нихъ, изображающій бѣлый полукругъ, украшенный розасомъ. Но въ нѣкоторыхъ избахъ Батурина можно увидѣть печи (русскія) съ лежанками, сложенныя изъ кафлей чудеснаго рисунка—несомнѣнно дворцоваго происхожденія...

Мебель? Ея можетъ быть и не было во дворцѣ. Едва ли успѣли обставить залы къ 1803 г.; однако, по преданію, металлическое кресло, находившееся за иконостасомъ Воскресенской церкви, было взято изъ дворца; но теперь и этого остатка нѣтъ въ церкви. Остались лишь прелестная люстра стиля Людовика XVI и фонари (со стекломъ).

Домикъ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской). Роспись стѣнъ и икона XVIII вѣка.

Съ другой стороны терасса, заросшая хмѣлемъ и кустами шиповника и жасмина. Клумба ландышей. Аллеи къ рѣкѣ и заросшее камышемъ болото... Пусто въ саду. Тихо. Прохладно подъ душистыми вѣтками цвѣтущихъ липъ.

Сестра Алексѣя и Кирилла Григорьевичей Разумовскихъ, Вѣра Григорьевна, по мужу Дараганъ— была владѣтельницей особняка. У нея останавливались „по дорогѣ въ Кіевъ" Елисавета Петровна съ Царевичемъ Петромъ Федоровичемъ и съ братомъ собственницы усадьбы. Теперь понятными станутъ прелестныя детали убранства. Не для обычныхъ жителей-помѣщиковъ приготовленъ былъ уютъ въ этихъ комнаткахъ. Необычныя кафельныя печи поставлены были здѣсь грѣть комнатки. Рукою незауряднаго мастера расписаны были стѣны, не какія-нибудь иконы повѣшены были въ углахъ... Много портретовъ и посуды хранитъ такъ называемая „каменица" въ саду; есть здѣсь „гравюры" и силуэты съ авторской подписью. Мебель вывезена и въ комнатахъ лишь поздняя березовая, конца царствованія Александра I.

Главная цѣнность убранства комнатъ въ печахъ и, особенно, въ росписи стѣнъ.

Мы знаемъ сколь общераспространенною была въ XVIII вѣкѣ мода на мотивы идиллической, пастушечьей жизни и соотвѣтственное искусство. Правда, вводили даже восточно-китайскія и турецкія детали въ галантныя композиціи, но это бывало для оживленія фона, на которомъ забавлялись или вздыхали пастушки и жеманныя дамы рококо.

... „Отъ докучливой роскоши и строгихъ дворцовыхъ этикетовъ находили убѣжище въ своихъ маленькихъ домикахъ жители усадебъ".

Печи, обои и стѣнная живопись надъ дверями, изображающая античныя сцены жертвенныхъ возліяній и другіе религіозные обряды, въ удлиненныхъ

II.
ДОМИКЪ ВЪ ПОКОРЩИНѢ.

Не меньшая, а значительно большая таинственность обволакиваетъ домикъ „на Покорщинѣ" въ Козельцѣ той же Черниговской губ.

Совсѣмъ скромный обликъ одноэтажнаго, украшеннаго типичнымъ украинскимъ колончатымъ входомъ, домика по первому взгляду вовсе не производитъ впечатлѣнія чего-то особеннаго. Но вспомнимъ объ историческихъ, здѣсь происходившихъ событіяхъ величайшей тайны, о многихъ дѣлахъ минувшаго: здѣсь, въ уединеніи и тиши проводили время счастливые, удалившіеся отъ блеска столичной жизни, на родину къ „нему", откуда онъ изъ простыхъ крестьянъ выросъ почти до высоты верховной власти; здѣсь подъ огромной нынѣ липой любила пить чай Императрица, отличавшаяся здоровьемъ, жизнерадостностью, весельемъ и „симпатіею къ природѣ", къ Украйнѣ, къ яркимъ краскамъ, нарядамъ, танцамъ...

Домикъ, кромѣ милыхъ ставень крылечка, да старенькихъ на немъ скамеечекъ, не имѣетъ никакихъ признаковъ дворца; это даже не усадебный дворецъ. Совсѣмъ простой, съ крутой крышей особнячекъ въ уѣздномъ пригородѣ. Лишь аллея, ведущая къ усадьбѣ, наводитъ на размышленія...

Когда окна открыты настежь, провѣтриваются комнаты, и заглянешь внутрь, трепетомъ наполняется душа—глаза приковываетъ убранство необычайной красоты, вниманіе устремляется на поразительныя печи, на фрески и обои невиданныхъ сюжетовъ и чарующихъ красокъ.

Домикъ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской). Роспись стѣнъ.

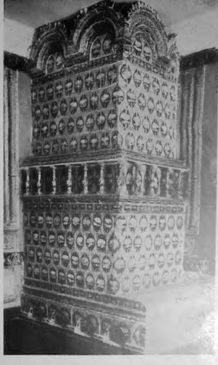
обрамленіяхъ, на подобіе ромбовъ. Тонами гризайль написаны фигуры, прелестно выдѣляющіяся на оранжевомъ или пурпурномъ фонѣ. Но эти сюжеты, кажется, позднѣйшей работы: слишкомъ много въ нихъ античнаго характера, свойственнаго уже началу XIX вѣка.

Типичны для эпохи Елисаветы Петровны росписи на обояхъ—тонкія колонки, переплетенныя трельяжемъ и увитыя плющемъ и розами, вакхическія эмблемы, вазы съ фруктами, цвѣтами и просто вазы богатой рѣзьбы на блѣдно-зеленомъ фонѣ.

Въ обрамленіяхъ изъ орнамента гирлянды винограда; трельяжи изъ розъ и богини съ козлятами. Помпейскіе сюжеты, но типично-національное выполненіе: яркія краски, крупные тюльпаны среди виноградныхъ блѣдныхъ гроздьевъ.

Всѣ росписи какъ будто двухъ родовъ. Одна — колонки, вазы, цвѣты — Екатерининскаго или даже Елисаветинскаго времени; другая — ромбы съ вышеописанными греческими сюжетами. Происхожденіе подобныхъ бумажныхъ обоевъ на Украйнѣ еще очень древнее. Оказывается, Бопланъ, Шефанскій, д-ръ І. Лерхе, фонъ-Вигель видѣли ихъ давно. Обои выдѣлывались на мѣстѣ, частью же привозились изъ заграницы. Козелецкія обои — одинъ изъ лучшихъ образцовъ мѣстнаго изготовленія. „Нѣжные зеленовато-сѣрые фоны и ярко выдѣленные на нихъ цвѣтные узоры и мраморно-бронзовые гризайли даютъ очаровательную картину", говоритъ К. В. Шероцкій.

На одной изъ наклеенныхъ живописныхъ филенокъ, украшенной классическимъ акантовымъ гротескомъ, измѣнившей, правда, свою строгость по отношенію къ аналогичной живописи Помпейской, кажется, что изображенъ сюжетъ, какъ бы взятый изъ росписей ложъ Рафаэля въ Ватиканѣ. Здѣсь изъ вазъ, словно повисшихъ въ воздухѣ, выростаютъ букеты и акантовые разводы, къ послѣднимъ подвѣшены обручи съ качающимися на нихъ павлинами, а вверху установлены легкіе сосуды съ играющими утками и лебедями, внизу львы съ переплетающимися хвостами и поднятыми головами.

Домикъ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской). Печь эпохи Елисаветы Петровны.

Домикъ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской). Роспись стѣнъ XVIII вѣка и начала XIX.

Общее соединеніе тоновъ композиціи очень жизнерадостное.

Характерна и мраморная обработка рамъ, обрамленій, кантиковъ. Это пережитокъ древней русской полилитіи. Вся въ цѣломъ декорація дома Дараганъ, вмѣстѣ съ кафельными печами, является рѣдкимъ и цѣннымъ памятникомъ культуры XVIII столѣтія, какимъ-то чудомъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени. Особенно послѣднее приложимо къ обоямъ.

Черниговщина была одним изъ центровъ кафельнаго производства въ началѣ XVIII вѣка. Кромѣ мѣстныхъ издѣлій доставлялись еще на Украйну и кафли изъ Саксоніи и Голландіи, онѣ вліяли на типъ кафлей мѣстныхъ. Большая часть этихъ кафлей на бѣломъ фонѣ имѣетъ синій или коричневый рисунокъ, покрытый зеленой или желтой краской. Содержаніе ихъ очень разнообразно: здѣсь и событія библейскія, и изъ жизни современной, и костюмы, и бытовыя сценки.

Въ печахъ нашего рисунка кафли изображаютъ сюжеты какого-то неразгаданнаго романа. На нѣкоторыхъ кафляхъ изображены гербы.

Кафельныя изображенія Покорщины,—для разгадки смысла которыхъ, потребовалось бы не мало труда, не лишены во всякомъ случаѣ мѣстныхъ вліяній.

Широкія физіономіи въ парикахъ, массивныя фигуры въ кафтанахъ и робронахъ достаточны, чтобы увидѣть на нихъ руку мѣстнаго мастера. Встрѣчаются и лица духовнаго сана.

Изъ всѣхъ печей въ Покорщинѣ выдѣляется одна — съ нѣжно синимъ рисункомъ въ круглыхъ клеймахъ. Эта печь изъ иностранныхъ кафлей. О томъ же говоритъ и общая архитектура печи. Печь напоминаетъ Вишневецкія печи (нынѣ въ музеѣ въ Краковѣ). На кафляхъ изображены сюжеты появленія какого-то растенія.

Воскресенская церковь—памятникъ гетману гр. Кир. Григ. Разумовскому.

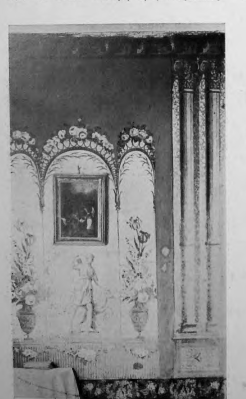
* * *

Все убранство Козелецкаго домика полно какого-то особеннаго красиваго уюта.

Теперешняя мебель въ домикѣ поздняя, но красивая — овальныхъ формъ, прекраснаго рисунка. Диванъ, кровати, кресла скромно украшены прелестной бронзовой арматурой.

Теперь тихо вокругъ домика, темно въ сыромъ паркѣ; покрылись радужнымъ рисункомъ оконныя стекла, поросли травой и мохомъ ступени, жутко въ горницахъ, и, кажется, домикъ хранитъ какую-то тайну. Впрочемъ, ею полно здѣсь все: вдругъ скрипнувшая половица, обвалившаяся за обоями штукатурка, шорохъ — заставляетъ настораживаться. Чудится, что затуманенныя зеркала отразятъ окостенѣвшее лицо, оно улыбнется жеманно-величаво или грозно закричитъ надтреснутымъ голосомъ.. Полонъ какихъ-то тѣней этотъ домикъ далекаго прошлаго.

Георгій Лукомскій

Домикъ бывш. Вѣры Григ. Дараганъ (рожд. Разумовской): роспись стѣнъ.

БРАТЬЯМЪ ПОЛЯКАМЪ!

О, дѣти растерзанной Польши,
Ударьте, какъ встарь, на враговъ!..
— Иль, можетъ, у Польши нѣтъ больше
Достойныхъ былого сыновъ?!.

Иль, можетъ быть, руки ослабли?
Иль очи потухли средь мглы?
Иль старыя польскія сабли
Для внуковъ уже тяжелы?!.

— О, нѣтъ, погребальную тризну
Надъ Польшей справлять погоди,—
Есть кровь, чтобъ пролить за отчизну,
Въ изрубленной польской груди!..

Рѣдѣютъ и таютъ туманы,
Оконченъ нашъ споръ вѣковой,
И братскія ссоры и раны
Омыты живою водой!..

И, вновь, горделиво и властно
Надъ Польшей восходитъ звѣзда,—
Какъ польская панна—прекрасна,
Какъ польская панна—горда!

Н. Агнивцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ АНГЛІЙСКОЕ СОБРАНІЕ.

Англійское Собраніе или, какъ его теперь принято называть, „Англійскій клубъ", является старѣйшимъ въ Россіи. Оно основано въ 1770 году. Основателемъ англійскаго собранія является Францисъ Гарднеръ.

Заимствуемъ данныя изъ историческаго очерка, написаннаго къ столѣтію клуба въ 1870 году.

„Въ первые годы славнаго Екатерининскаго царствованія многіе изъ прибывающихъ въ Петербургъ иностранцевъ, большею частью англичанъ, людей торговыхъ, приняли обыкновеніе собираться нѣсколько разъ въ недѣлю въ одной изъ здѣшнихъ гостинницъ, содержимой выходцемъ изъ Голландіи, Корнеліемъ Гарднеромъ.

Тутъ, отдыхая отъ трудовъ и коммерческихъ расчетовъ, за стаканомъ вина или пива, или за трубкою кнастера, они проводили время въ веселыхъ разговорахъ, въ чтеніи газетъ или играли въ карты, въ коммерческія игры. Но, въ началѣ 1770 г., дѣла хозяина гостинницы приняли неблагопріятный оборотъ, и онъ вынужденъ былъ закрыть свое заведеніе. Тогда одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, фабрикантъ, Францисъ Гарднеръ, тотъ, чей игривый портретъ красуется въ одной изъ залъ Собранія, предложилъ своимъ сотоварищамъ основать особое, самостоятельное Общество, или клубъ, пріискать для онаго приличное помѣщеніе и все хозяйство поручить разорившемуся Гарднеру. Предложеніе это было единодушно принято 38-ю изъ посѣтителей закрытаго заведенія, большею частью англичанами; вскорѣ всѣхъ учредителей набралось 50 человѣкъ и, такимъ образомъ, положено основаніе Общества, названнаго въ честь большинства „Англійскимъ Собраніемъ", съ девизомъ „Concordia et Laetitia". Перваго Марта 1770 года былъ составленъ и утвержденъ подписями учредителей первый уставъ новаго Общества, заключавшій въ себѣ 12 статей.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Стат. I. Общество поручаетъ свое хозяйство Корнелію Гарднеру, за что и назначаетъ ему въ годовое жалованье триста рублей.

Стат. V. Кромѣ членовъ, никто не имѣетъ права входа въ Собраніе. Исключенія допускаются только для иностранцевъ, прибывающихъ временно въ столицу.

Стат. X. Для препровожденія времени, въ Собраніи устроенъ билліардъ, съ платою за каждую партію, днемъ по 3 коп., а вечеромъ, при освѣщеніи, по 6 коп. Играющіе простую партію должны по окончаніи оной уступить билліардъ желающимъ играть à la guerre. Въ карты допускаются лишь коммерческія игры, азартныя же вовсе запрещаются.

и т. д.

Первыми русскими фамиліями въ спискѣ членовъ клуба были Полянскій, Перфильевъ и Лукинъ.

Къ концу 1771 г. число членовъ было уже около 250, затѣмъ оно стало быстро увеличиваться, и, чтобы нѣсколько ограничить наплывъ новыхъ членовъ, было постановлено не принимать въ члены собранія лицъ „выше бригадирскаго чина". Но „правило это не могло устоять противъ дружнаго натиска генераловъ и отмѣнено въ 1801 г."...

* * *

— „Уже съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка вся свѣтская молодежь стала съ усердіемъ посѣщать Англійское Собраніе,

Фасадъ Англійскаго Собранія на Дворцовой наб.

Парадная лѣстница Собранія.

Портретная комната Англійскаго Собранія въ Спб.

По стѣнамъ портреты всѣхъ бывшихъ почетныхъ членовъ клуба. Въ углу у окна (не видно) кожаный диванъ, на которомъ послѣ обѣда, говорятъ, любилъ дремать дѣдушка Крыловъ.

Кухня Англійскаго Собранія въ Спб.
Впереди посрединѣ знаменитый поваръ Демьянъ (бывш. Нечаева-Мальцева).

„Портретная" въ Англійскомъ Собраніи въ Спб.

Среди портретовъ всѣхъ Императоровъ, въ царствованіи которыхъ существовало Собраніе, нѣтъ портрета Императора Павла, не признававшаго Англійскаго Собранія, какъ и вообще всякихъ клубовъ.

Одна изъ гостиныхъ Англійскаго Собранія въ Спб.

Меню обѣда
въ Англійскомъ Собраніи
въ 1845 году.

MENU

du diné donné le 10 mars 1845

PAR LA

SOCIÉTÉ ANGLAISE

de St. Pétersbourg,

À L'OCCASION

…ante-quinzième anniversaire de sa fondation.

5. Dindes aux truffes.
6. Truites, sauce ravigotte.
… de gibier.
… sauce au beurre
… poularde et …

вербуя постоянно новыхъ охотниковъ, такъ что кандидатскіе списки были переполнены. Но, съ началомъ нынѣшняго столѣтія, мода эта еще болѣе усилилась и продолжалась очень долго. Многіе изъ настоящихъ членовъ, вѣроятно, помнятъ, что быть членомъ Англійскаго Собранія значило имѣть свѣтское положеніе. Всѣ наши знаменитости, всѣ люди должностные и чиновные считали обязанностью поступить въ общество, люди государственные, не взирая на свои обширныя занятія, считали за честь и удовольствіе быть старшинами Собранія и входить въ подробности клубнаго хозяйства. Въ старшинскихъ спискахъ встрѣчаемъ имена Куракиныхъ, Безбородко, Лопухина, Головиныхъ, Воронцовыхъ, Юсуповыхъ, Зубовыхъ, Самойловыхъ, Заводовскихъ, Кочубея, Строгоновыхъ, Чарторижскаго, Новосильцовыхъ, Долгорукихъ, Сперанскаго, Тургенева, Кутузовыхъ, Милорадовича, Толстыхъ; въ числѣ членовъ—имена Голицыныхъ, Салтыковыхъ, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Блудова и другихъ".

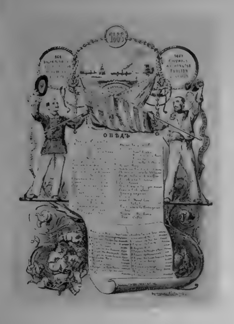
Сначала Собраніе помѣщалось въ домѣ одного изъ учредителей, Конрада Кюзеля, на Ново-Исаакіевской площади. Въ 1774 г. перешло въ домъ гр. П. А. Бутурлина, на Мойкѣ, около Синяго моста. Собраніе оставалось почти 75 лѣтъ, мѣняя свои помѣщенія, все въ томъ же раіонѣ Петербурга.

Въ 1830 году Собраніе перемѣстилось въ домъ Демидова, потомъ въ домъ Эйхлера на Фонтанкѣ и, наконецъ, въ домъ Бенардаки съ 1860 года, гдѣ и оставалось до пріобрѣтенія собственнаго роскошнаго

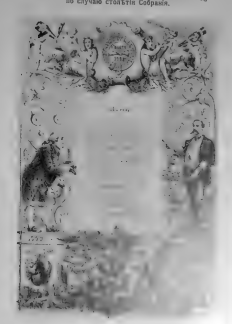

Большая столовая
Англійскаго Собранія
въ Спб.

Меню обѣда въ Англійскомъ Собраніи въ 1866 году, по случаю пріема въ Спб. американскихъ моряковъ.

Меню обѣда въ Англійскомъ Собраніи въ 1870 году по случаю столѣтія Собранія.

дома-дворца, бывшаго князей Радзивиль, на Дворцовой набережной.

Въ первые годы существованія собранія, члены собирались обѣдать три раза въ недѣлю и платили за обѣдъ изъ трехъ блюдъ по 25 коп. съ персоны! Интересно отмѣтить, что время обѣда постепенно дѣлалось все болѣе и болѣе позднимъ: въ 1770 г. обѣдали въ 2 часа, въ 1773 г. въ 2 съ половиной, въ 1787 г. въ три, а въ 1864 г. уже въ 5 часовъ...

Въ одной изъ комнатъ теперешняго помѣщенія клуба висятъ портреты всѣхъ Императоровъ, при которыхъ Собраніе существовало, кромѣ портрета Императора Павла. Павелъ относился недружелюбно ко всякимъ собраніямъ, въ томъ числѣ и къ Англійскому, и сохранилось преданіе, что въ теченіе трехъ дней Англійское Собраніе было закрыто по Высочайшему повелѣнію, отмѣненному Государемъ только по ходатайству князя Лопухина. Лопухину удалось засвидѣтельствовать передъ Государемъ, что „члены общества вовсе политикою не занимаются, а усердно играютъ въ бостонъ и ламушъ и еще усерднѣе пьютъ за Его здоровье"... только это спасло клубъ.

Жизнь клуба полна всякихъ традицій. Въ стѣнахъ его никогда не бываютъ женщины, строго запрещенъ входъ постороннимъ: живущіе въ Петербургѣ не могутъ быть даже гостями клуба. До сихъ поръ при выборѣ старшинъ послѣ того, какъ всѣ положатъ въ особый сундукъ свои избирательныя записки, этотъ сундукъ запирается и торжественно, въ предшествіи четырехъ канделябровъ съ зажженными свѣчами, несется въ особую комнату, гдѣ оставляется запечатаннымъ на сутки. Только послѣ этого производится подсчетъ голосовъ.

У большинства чле[illegible] определенныя, мѣста за о[illegible] можно видѣть карт[illegible] шедшіе обѣдать, сидятъ сп[illegible] пустой столовой, на разны[illegible] ривая, но зато на своихъ м[illegible] дѣть это трудно, такъ ка[illegible] абсолютно невозможен[illegible]

До сихъ поръ иногда въ торж[illegible] въ клубѣ варится традиціонная жженка; [illegible] былое время клубъ славится своей изы[illegible] Теперешній поваръ, знаменитый по своему, [illegible] служившій раньше много лѣтъ у покойнаго Нечаева Мальцова, получаетъ 10.000 рублей жалованья и [illegible]товитъ всегда самъ.

Здѣсь когда-то ѣлъ по два обѣда дѣдушка Крыловъ; тутъ онъ и спалъ, сидя на диванѣ.

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ воспоминаній одного изъ старѣйшихъ членовъ клуба М. Л., напечатанныхъ въ томъ же юбилейномъ изданіи Собранія.

„Нечего и говорить, что между членами было множество гастрономовъ. Было нѣсколько собственно такъ называемыхъ „ѣдоковъ" весьма замѣчательныхъ, какъ Н. А. Б., Н. Г. С., С. А. А., А. Н. С. и другіе. Послѣдній, въ дни обѣдовъ по картѣ, иногда бралъ на себя по нашей просьбѣ заказывать по своему вкусу обѣдъ для себя и нѣсколькихъ согласившихся между собою лицъ. Прибавлять ли, что обѣды эти бывали такъ же вкусны, какъ и веселы, потому что заказчикъ былъ такой же отличный распорядитель, какъ и пріятный собесѣдникъ. Помню, что иногда онъ заказывалъ блюда, заимствованныя изъ „menus", помѣщенныхъ въ тогдашнемъ новомъ романѣ Е. Сю „La gourmandise", самъ толковалъ повару, какъ ихъ приготовлять, и что это очень хорошо удавалось".

Зеркало и часы въ одной изъ гостиныхъ Англійскаго Собранія въ Спб.

На старинныхъ часахъ помѣченъ „1770 годъ“ годъ основанія клуба.

Въ клубѣ до сихъ поръ существуетъ кегельбанъ. Въ былое время игры бывали часто, были оживленны. Главными игроками являлись конногвардейцы, пріобрѣтавшіе право посѣщенія клуба въ качествѣ гостей, когда полки выходили въ лагери (живущіе въ Петербургѣ не могутъ быть гостями клуба).

Во время игры:

„Галерея бывала многочисленна. На столѣ стояли двѣ „неисходимыя“, такъ сказать, бутылки, одна — шампанскаго, другая — лафита. Онѣ ставились одна за другою безостановочно по мѣрѣ того, какъ опорожнялись, а пили не только играющіе, но всѣ присутствующіе, кто, какъ и сколько хотѣлъ. Бутылки эти шли „на хвостъ“ и плата за нихъ вычиталась въ извѣстномъ размѣрѣ съ выигрыша всякой пульки, чему велся лакеемъ особый счетъ. „Хвостъ“ назывался „бѣлымъ“ (шампанское) и „краснымъ“ (лафитъ). К. А. Булгаковъ по этому говаривалъ бывало лакею: „отрѣжь ка мнѣ (бѣлаго или краснаго) хвоста“. По большей части, кромѣ пульки, играющіе держали съ кѣмъ нибудь пари, которое, иногда, состояло изъ очень большихъ кушей.

Газетъ и журналовъ было тогда несравненно менѣе, нежели теперь, не только въ Россіи, но и за границей, и изъ послѣднихъ многіе были запрещены, да и изъ [illegible] иностранныхъ газетъ [illegible] получались номера, изуродованные [illegible] нельзя цензурными вырѣзками. Главныя [illegible] временныя изданія получались въ клубѣ. Особенно потѣшалъ насъ парижскій „Cors[illegible]“ [illegible] осмѣивавшій національное Собраніе [illegible]ской Республики и ея Президента въ юмористическихъ статьяхъ [illegible] Людовикомъ-Наполеономъ послѣ [illegible] 2-го Декабря. Въ газетной [illegible] на столъ предложенія членовъ по клубн[illegible] [illegible]

О составѣ членовъ авторъ воспоминаній пишетъ:

„Общество членовъ состояло почти [illegible] [illegible] Насъ, собственно [illegible] человѣкъ 15, не болѣе [illegible] [illegible] [illegible]“

[illegible]

Кегельбанъ въ Англійскомъ Собраніи въ Спб.

Кажется единственный [illegible] [illegible] въ русскомъ клубѣ.

Внутренній дворикъ Англійскаго Собранія въ Спб.

Благодаря одному изъ старшинъ клуба, страстному любителю цвѣтовъ, бар. А. Г. Кноррингу, дворикъ превращается лѣтомъ въ красивый садикъ.

чался срокъ возобновленія членскихъ билетовъ, бывала „бе[illegible] штрафная“ ночь. Въ первую субботу послѣ 1-го марта бывалъ большой роскошный годовой обѣдъ, съ ухою и со всѣми гастрономическими рѣдкостями, какія только являлись въ это время года; за стерлядями нарочно посылали [illegible]

Москву. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] котор[illegible]

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— „Умеръ самый большой снобъ міра, „человѣкъ съ орхидеей“ Чемберлэнъ“...

— „Чемберлэнъ не былъ снобомъ, это былъ настоящій джентльмэнъ... Его орхидея была маленькой фантазіей, капризомъ богатаго человѣка—это не снобизмъ“.

— „Что же такое снобизмъ по вашему?“

— „Снобизмъ! Снобизмъ—это довольно трудно опредѣлимое понятіе, но все-таки... вотъ снобизмъ—это папиросы Сергѣя Петровича, его пахучія anobar cigarettes или rose-lips-cigarettes, которыя ему самому непріятны, но куритъ ихъ только потому, что онѣ очень дороги и ихъ ни у кого больше нѣтъ“...

* * *

Говорили о цвѣточной выставкѣ.

Кто-то сказалъ:

Жители Бретани разсказываютъ, что когда Богоматери удается вымолить у Бога прощеніе какому-либо грѣшнику—на землѣ выростаетъ цвѣтокъ. И чѣмъ тяжелѣе грѣхъ, тѣмъ красивѣе и роскошнѣе цвѣтокъ. Мужскимъ грѣхамъ соотвѣтствуютъ крупные, яркоцвѣтные цвѣты безъ запаха, женскимъ же—душистые, нѣжныхъ оттѣнковъ... Полевые цвѣты—отвѣтъ на молитвы святыхъ. Розы—отпущенные грѣхи любви...

По этой легендѣ, милосердіе Божіе почти безгранично.

* * *

— Чѣмъ больше дастъ культура, тѣмъ больше хочется! Сажусь вчера въ автомобиль, беру въ руки трубку для зажиганія папиросъ и хочу разговаривать: когда вспомнилъ, что это не телефонъ, и что телефона въ автомобилѣ нѣтъ, стало какъ-то обидно за культуру: вотъ еще и не дошли до этого, а, между тѣмъ, самое свободное время разговаривать по телефону, когда ѣдешь въ автомобилѣ...

Всѣ засмѣялись.

* * *

Вдругъ по[illegible] сомъ, стекломъ... [illegible] интересовало, а вдру[illegible]

— Что интересовались [illegible] [illegible]. Да, кстати, я на [illegible] настоящіе ремеры, которые [illegible] Германіи какой-то лордъ, предла[illegible]

— Какіе ремеры? Что это та[illegible]

А это бокалы для р[illegible] можно встрѣтить въ любомъ нѣм[illegible] зеленаго стекла, съ украшеніями въ [illegible] ныхъ кистей. Особенность этихъ бокал[illegible] перевернувши бокалъ, въ его подставку, сдѣлали [illegible] бокала, то вино черезъ 2–3 минуты исчезаетъ через [illegible] скрытыя отверстія. Отверстія эти незамѣ[illegible] какіе-то замысловатые ходы и черезъ нихъ у[illegible] Эти рёмеры зовутъ иначе Lecker'ы, отъ нѣмецка[illegible]

Какой же былъ смыслъ дѣлать такіе бокалы съ теч[illegible]

Это остается невыясненнымъ. Вѣрнѣе всего [illegible] своего рода марка мастера, никто другой не умѣлъ дѣлать этихъ ходовъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ въ томъ, что для коллекціонеровъ лёкеры желаннѣйшая находка. Говорятъ, что этотъ лордъ во всей Германіи собралъ не больше 40 такихъ бокаловъ.

А вы читали рекламы въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ тоже какого-то лорда: онъ ищетъ теперь за какія угодно деньги саксонскій фарфоръ первыхъ выпусковъ. Какъ извѣстно, первыми мастерами саксонскаго фарфора были китайцы и первый саксонскій фарфоръ былъ сдѣланъ по китайскимъ рисункамъ.

Не вижу никакого смысла въ собираніи такихъ вещей, это отличается отъ пресловутой баронской фантазіи только тѣмъ, что это фантазія лорда.

Замѣтилъ брюзжащій молодой человѣкъ.

— А вы замѣтили, что молодые люди въ наше время стали куда брюзгливѣе, чѣмъ мы, старики,—пошутилъ старый генералъ.

— И тогда жилось веселѣе,—добавилъ еще кто-то.

* * *

На скачкахъ. Рис. худ. М. Бобышова.

(Къ сожалѣнію художникъ не совсѣмъ слѣдитъ за модой: шляпы еще можно простить, но лисица слишкомъ запоздала!.. Господинъ въ цилиндрѣ мало похожъ на русскаго).

СОКОЛЬНИЧІЙ ДВОРЕЦЪ ГРОЗНАГО ВЪ МОСКВѢ.

(Теперь кн. Юсуповыхъ)

Однажды, какъ разсказываетъ преданіе, Грозный, возвращаясь съ охоты, зацѣпился собольей шапкой за вѣтку сосны. Шапка свалилась съ головы царя на землю. Царь разгнѣвался и приказалъ срубить не только дерзкую сосну, но и вырубить кругомъ поляну, и на томъ мѣстѣ, гдѣ упала шапка, построить Сокольничій дворецъ, который долженъ былъ служить ему „для отдохновенія и охоты".

По офиціальнымъ даннымъ, Сокольничій дворецъ построили въ 1555 году, близъ нынѣшнихъ Красныхъ воротъ, въ дремучемъ бору, отъ котораго остались любимые москвичами Сокольники. Дворецъ, поражающій красотою древне-русскаго стиля, строили лучшіе новгородскіе мастера, создавшіе знаменитый храмъ св. Василія Блаженнаго. И [illegible] провести подземн[illegible] тихъ многочислен[illegible] путешествовалъ въ м[illegible] ности окружавших[illegible] смерда и воору[illegible] кольничьяго двор[illegible] одному ему, подн[illegible] скву. Подъ видомъ [illegible] чтобы поклониться [illegible] толпой гдѣ-нибудь [illegible] народѣ о немъ [illegible]

Сокольничій дворецъ Іоанна Грознаго—выстроенъ въ 1555 г. для царской соколиной охоты.
(Теперь принадлежитъ кн. Юсупову).

Красное крыльцо Сокольничьяго дома Іоанна Грознаго, по которому царь совершалъ торжественный выходъ передъ выѣздомъ на соколиную охоту.

особенно во время пребыванія въ Сокольничьемъ дворцѣ, гдѣ передъ выѣздомъ на охоту и послѣ нея [illegible] пары Царь пировалъ съ боярами, а впослѣдствіи съ опричниками, слушалъ пѣсни гусляровъ, которыхъ [illegible] разгонять мрачное настроеніе, привозили для него издалека [illegible] съ Олонца или изъ Задонскихъ степей, славившихся хорошими „пѣвунами". Звенѣли гусли, звучала мелодія народной пѣсни, рѣкой лились романеи и фряжскія вина. Мрачное, усталое выраженіе постепенно исчезало съ лица Грознаго, смѣняясь улыбкою, выраженіемъ довольства.

Послѣ смерти Грознаго Сокольничій дворецъ простоялъ [illegible] заемымъ вплоть до воцаренія Алексѣя Михайловича. Тишайшій царь, любитель [illegible] въ порядокъ и реставрировалъ. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича дворецъ снова заброшенъ до Петра [illegible] будучи охотникомъ [illegible] ровалъ въ немъ [illegible] и др. Какъ [illegible] не зная, какъ вознаградить своего любимца, Петръ [illegible] Меншикову [illegible] сго". [illegible] Но Меншиковъ не долго провладѣлъ [illegible] 1727 году могущественнаго [illegible] сосланъ въ [illegible] дворецъ [illegible] дворецъ князю Юсупову [illegible] князя Ф. Ф. Юсупова графа [illegible] лѣкъ Государь, Царь и Императоръ [illegible] Россіи пожаловалъ сіи каменныя палаты [illegible] Гвардіи Преображенскаго [illegible] Военной Коллегіи [illegible] вичу Юсупову".

Дворецъ стоитъ внутри [illegible] улицы. На дворѣ — идеальная [illegible] похвалиться „старушка-Москва" [illegible] ники... Во дворецъ [illegible] или сѣнички, чтобы попасть [illegible] называемыя „Охотничьи ворота" Грознаго. Съ [illegible] съ каменными [illegible] вождлемый ра[illegible]

Сокольничій дворецъ Іоанна Грознаго въ Москвѣ. Кабинетъ владѣльца дворца кн. Ф. Ф. Юсупова.
На потолкѣ изображено вращеніе планетъ. На стѣнѣ портретъ княгини Юсуповой. Въ углу рѣдкой работы каминъ изъ голландскихъ изразцовъ начала XVII столѣтія.

Обширная палата въ два свѣта съ куполообразнымъ потолкомъ, въ которой Грозный пировалъ съ опричник[illegible]
Въ нее ведутъ три кованныя, вызолоченныя двери, рѣдкой художественной ажурной работ[illegible] раторовъ Петра Великаго и Петра II

Китайская комната, въ которой находятся рѣдкія коллекціи произведеній китайскаго искусства. Здѣсь же чучела колоссальныхъ медвѣдей, убитыхъ кн. Ф. Ф. Юсуповымъ.

шалъ торжественный выходъ передъ выѣздомъ на охоту. Черезъ Охотничьи ворота, по наѣзжанной дорогѣ, Грозный, сидя на любимомъ бѣломъ конѣ, слѣдовалъ прямо въ боръ, окружавшій дворецъ. Эти ворота, реставрированныя, какъ и весь дворецъ, за исключеніемъ реставраціи живописи, исполненной художникомъ Морозовымъ, архитекторомъ Султановымъ, построены въ древне-русскомъ стилѣ.

Во дворцѣ наилучше сохранили характеръ своей эпохи опочивальня и охотничій покой Грознаго, съ низкими сводами, маленькими теремными окошечками, защищенными фигурными рѣшетками, и съ сумрачными, узкими переходами. Всѣ четыре свода охотничьяго покоя расписаны фресками, принадлежащими кисти Морозова, изображающими различные моменты изъ охотничьей жизни Грознаго. Но не однѣ фрески привлекаютъ въ этотъ покой случайныхъ посѣтителей дворца... Древнія иконы, ветхіе подсвѣчники въ переднемъ углу, съ висящими у божницъ рушниками, затканными серебромъ, лавки, обитыя шелковой матеріей, затканной золотыми цвѣтами, рѣзные ставчики, старинные канделябры на столахъ, стѣны, расписанныя „райскими цвѣтами",— все напоминаетъ „тѣнь Грознаго"... Опочивальня Грознаго похожа на келью отшельника. По голубоватымъ сводамъ мерцаютъ блѣдно-золотыя звѣздочки... Массивный столъ, стульчики, табуреты, еще маленькіе столики, на которыхъ Грозный, говорятъ, игралъ въ шахматы съ Малютой Скуратовымъ,— все очень живо напоминаетъ Грознаго, портретъ котораго стоитъ тутъ же, на столѣ. Между прочимъ, въ этой опочивальнѣ разыгралась знаменитая сцена похищенія атаманомъ Кольцо ключей отъ казематовъ Грознаго, въ которыхъ томились его товарищи, описанная въ романѣ гр. Толстого „Князь Серебряный", хотя романистъ относитъ мѣсто дѣйствія не къ Сокольничьему дворцу, а къ слободѣ Александровской.

Палата Грознаго, въ которой устраивались пиры, гдѣ царь нерѣдко посылалъ со своего стола опальному боярину кубокъ съ отравленнымъ виномъ, помѣщается во второмъ этажѣ дворца. Она очень обширна, въ два свѣта, съ высокимъ куполообразнымъ потолкомъ, на которомъ изображены созвѣздія; на стѣнахъ изображенія Птицы-Сирина, Дракона и неизбѣжные „райскіе цвѣты". Въ палату ведутъ три кованныя вызолоченныя двери рѣдкой художественно-ажурной работы. Между дверями, въ простѣнкахъ, портреты Императоровъ Петра I Великаго и Петра II (сына казненнаго царевича Алексѣя Петровича). Въ углу— каминъ изъ голландскихъ изразцовъ работы начала XVII ст., съ наивными рисунками, изображающими событія обыденной жизни, и такими же надписями. На этажеркахъ—масса разныхъ вещичекъ, фамильныхъ и собранныхъ княземъ Ф. Ф. Юсуповымъ.

Столовая князя, именовавшаяся при Іоаннѣ Грозномъ „малой трапезной", замѣчательна по собранію въ ней рѣдкой хрустальной и фарфоровой посуды. Въ ней такой же каминъ, какъ и въ палатѣ.

Въ Гербовой комнатѣ, отдѣланной чистыми шелковыми обоями цвѣта бордо, въ изящныхъ скульптурныхъ медальонахъ, размѣщенныхъ по карнизу потолка, изображены гербы рода князей Юсуповыхъ. Здѣсь—старинная венеціанская мебель, венеціанскіе зеркала и хрустальная люстра, считаемая уникомъ, оцѣниваемымъ въ милліоны рублей.

Изъ другихъ комнатъ замѣчательны портретная и кабинетъ князя. Въ первой собраны портреты всѣхъ предковъ рода князей Юсуповыхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны портреты Юсуфа-Мурзы, восьмого сына ногайскаго хана Мусы-Мурзы, прославившагося своей храбростью и благородствомъ характера, красавицы Сумбеки, царицы Казанской, воспѣтой поэтами, князя Юсупова, герцога Курляндскаго и др.

Въ роскошномъ кабинетѣ князя, обставленномъ дивными произведеніями древне-русскаго и современнаго искусства, мебелью, картинами, статуетками и пр., замѣчателенъ портретъ княгини Юсуповой.

Сокольничій дворецъ и посейчасъ еще не утратилъ охотничьяго характера. Въ вестибюлѣ дворца, представляющимъ ни что иное, какъ сумрачныя сѣни, стоятъ чучела колоссальнаго роста медвѣдицы съ двумя медвѣжатами, убитыхъ княземъ въ брянскихъ лѣсахъ, и медвѣдя, убитаго близъ Петербурга, въ имѣніи „Пустынька". Въ „Китайской" комнатѣ, гдѣ размѣщены собранныя княземъ рѣдкія произведенія искусства Небесной имперіи, стоятъ чучела волковъ и медвѣдей, убитыхъ княземъ въ лѣсахъ Смоленской и Орловской губерній.

Въ стѣнахъ дворцовой церкви, на мѣстѣ которой при Грозномъ помѣщался застѣнокъ, еще сохранились глубокія ниши — остатки разрушенныхъ казематовъ, въ которые Грозный замуровывалъ свои жертвы живьемъ.

Подземный ходъ, обслѣдованный мѣстной археологической коммиссіею, недавно засыпанъ владѣльцемъ, при его началѣ.

А. Дунинъ

Уголокъ гербовой комнаты Сокольничьяго дворца Іоанна Грознаго въ Москвѣ, принадл. кн. Ф. Ф. Юсупову. Гербы рода князей Юсуповыхъ. Мебель въ комнатѣ—старинная венеціанская и въ древне-русскомъ стилѣ.

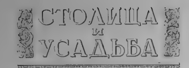
Ларецъ въ старинномъ русскомъ стилѣ (раб. Фаберже).

НАШИ СПОРТСМЭНЫ.

ФУТБОЛЪ.

Каррикатура П. Е. Щербова (Old Judge).

ОТЪ РЕДАКЦIИ.

Редакторъ журнала В. П. Крымовъ выѣхалъ 2 iюля за-границу, въ Португалiю и Марокко, предполагая вернуться въ началѣ августа. Война задержала его за-границей. Съ большими трудностями удалось вернуться въ Петроградъ только 18 августа (черезъ Францiю, Италiю, Грецiю, Сербiю, Болгарiю и Румынiю).

(Описанiе этого „необычайнаго" путешествiя будетъ помѣщено въ „Столицѣ и Усадьбѣ").

Номеръ отъ 15 августа, къ сожалѣнiю, не могъ поэтому выйти во-время. Онъ выйдетъ, вмѣстѣ со слѣдующимъ номеромъ, 1 сентября.

Редакцiя надѣется, что дальнѣйшiе номера журнала будутъ выходить правильно, во всякомъ случаѣ для этого приняты всѣ возможныя мѣры, не считаясь съ затратами.

На время войны дѣло крайне затруднено тѣмъ, что краски и часть клише, бумаги и рисунковъ для журнала получались изъ-за границы; журналъ печатался отчасти мастерами иностранными подданными, которые теперь призваны на войну; мѣловой бумаги, на которой печатается журналъ, въ Россiи имѣются очень ограниченные запасы.

Россiя переживаетъ тяжелый, но великiй историческiй моментъ. Нужно видѣть, что [illegible] по всей Западной Европѣ, [illegible] не воюющихъ, чтобы почувствовать [illegible] Россiи. [illegible] совершенно нарушена [illegible] изъ обыденной колеи, а Россiя [illegible] какъ жила и до войны.

Наша громадная армiя [illegible] отечество и вся страна, съ твердой [illegible] безопасности, въ побѣдѣ, [illegible] какъ и въ мирное время. [illegible] которая могла бы [illegible] Русь...

Нашъ журналъ, по [illegible] девизу „красивая жизнь", [illegible] ни въ чемъ отступать отъ [illegible] можемъ дополнить [illegible] торыхъ новыхъ [illegible] русской жизни, [illegible] подъема.

Война пройдетъ, [illegible] шее величiе, а въ теперь [illegible] долженъ, кажется намъ, [illegible] лать свое дѣло.

Рис. знамен. франц. рисовальщика Валотона. (Изъ коллекцiи К. Э. Газенъ)

Рис. изъ америк. журн.

РЕВНОСТЬ.

(Sketch).

Въ этотъ день Джонъ-Эдуардъ Ларсонъ изъ Филадельфіи въ Пенсильваніи (U. S. A.) получилъ первый разъ въ жизни анонимное письмо. Оно было ему подано въ ту минуту, когда онъ садился въ лифтъ, старшимъ швейцаромъ той гостиницы въ Босолей, надъ Монте-Карло, гдѣ онъ жилъ уже второй мѣсяцъ со своей молодой женой Мэбелль. Письмо было написано на дешевой клѣтчатой бумагѣ, на плохомъ англійскомъ языкѣ, искаженнымъ почеркомъ и гласило слѣдующее:

„Dear Sir, тѣмъ временемъ какъ вы проигрываете бѣшеныя деньги въ разныхъ клубахъ Ниццы и Монте-Карло, супруга ваша премило проводитъ время въ обществѣ очаровательнаго корсиканца. Прослѣдите за ней и вы убѣдитесь въ истинѣ этихъ словъ".

Въ первую секунду Джонъ-Эдуардъ хотѣлъ разорвать письмо. Въ глазахъ его помутилось и что-то подкатило къ горлу, но врожденный „self-control" преодолѣлъ минутное замѣшательство и остановилъ опасную игру нервовъ. Онъ еще разъ прочелъ доносъ, посмотрѣлъ на штемпель почты, по обыкновенію неразборчивый, и, тщательно сложивъ письмо, опустилъ его въ карманъ.

Джонъ Ларсонъ занималъ въ гостиницѣ нѣсколько комнатъ подъ рядъ, или то, что на жаргонѣ отельеровъ называется „suite". Всѣ окна выходили въ паркъ и сквозь деревья было видно, какъ на ладони, все Монте-Карло и широкая гладь сине-зеленаго моря.

Джонъ-Эдуардъ вошелъ въ салонъ и опустился въ кресло около открытаго окна. Жены не было дома, и только француженка горничная въ ея спальнѣ прибирала и возилась съ платьями и бѣльемъ. Увидѣвъ хозяина, она вошла въ гостиную и сказала:

— Monsieur, барыня оставила вамъ записку!

И она взяла со стола и подала листокъ свѣтло-сѣрой бумаги. На минуту сердце екнуло, но онъ взялъ спокойно записку и прочелъ:

„Dear Joe! я завтракаю въ половинѣ второго у „Ciro's" съ миссисъ Стюардъ. Если вы свободны и кончите къ этому времени вашу „poule" на „Tir aux pigeons", приходите къ намъ. Kisses отъ вашей Мэ".

Рис. изъ америк. журн.

Онъ вынулъ часы. До завтрака было еще далеко. Да его и не тянуло туда. Миссисъ Стюардъ онъ не долюбливалъ; къ тому же она была изъ Детройта (Мичиганъ) и не изъ ихъ общества. Онъ всегда удивлялся, почему его Мэ такъ подружилась съ этой женщиной.

Правда, она была весела и элегантна, но ея долгое проживаніе въ Парижѣ вредно отозвалось на ея манерахъ и разговорѣ. Его жена могла и должна была окружать себя болѣе подходящимъ народомъ, „напримѣръ, корсиканцами", подсказалъ ему какой-то голосъ... Онъ ощупалъ анонимное письмо въ боковомъ карманѣ и постарался представить себѣ корсиканца, но ничего не вышло.

Онъ зѣвнулъ отъ непривычки напрягать свой умъ въ эту сторону и потянулся за газетами. Но не читалось. Онъ бросилъ газету и опять принялся думать:

„Конечно, Мэбелль еще очень молода, ей всего 23 года, а ему за сорокъ. Но это не резонъ. Онъ еще во цвѣтѣ лѣтъ и богатъ. Онъ ее любитъ. Да, наконецъ, у нихъ въ Филадельфіи порядочныя женщины не обманываютъ своихъ мужей. Это не принято, и Мэбелль прекрасно это знаетъ... Съ корсиканцемъ! Хорошо было бы переломать ему ребра или дать ему хорошій cross правой рукой въ лѣвую челюсть такъ, чтобы онъ перевернулся, а потомъ поймать его на uppercut и положить его knock-out'омъ. Да... Какой-то несчастный корсиканецъ, жалкій французикъ, „frog"...

Онъ закурилъ сигару, одну изъ своихъ любимыхъ „Corona-Corona", спеціально приготовляемыхъ для него въ Гаванѣ, и продолжалъ размышлять:

„И что это они врутъ въ письмѣ, будто бы я постоянно проигрываю. Это неправда, это гнусная ложь какъ вообще и все письмо, и стоитъ ли о немъ думать и портить себѣ настроеніе?!

Правда, я очень много времени провожу за картами и часто оставляю ее въ одиночествѣ или въ обществѣ случайныхъ знакомыхъ. Это, конечно, не хорошо. Но у каждаго свое: у меня карты А у нея корсиканецъ", подсказалъ ему какой-то голосъ.

— Damn! — выругался онъ и, бросивъ сигару, вышелъ изъ комнаты.

Джонъ-Эдуардъ чувствовалъ себя совершенно uncomfortable

У Ciro's, почти у самаго входа, сидѣли за большимъ круглымъ столомъ двѣ красивыя дамы: одна блондинка, другая брюнетка, страшно нарядныя, въ жемчугахъ и въ удивительныхъ шляпкахъ съ дорогими бѣлыми эгретками. Между ними стоялъ пустой стулъ и приборъ. Джонъ-Эдуардъ,—онъ всетаки рѣшилъ пойти завтракать въ ресторанъ,—подошелъ къ дамамъ и поздоровался съ брюнеткой крѣпкимъ рукопожатіемъ. Потомъ подошелъ ко второй дамѣ и поцѣловалъ ей руку. Кроткіе и удивительные лучистые громадные сѣрые глаза посмотрѣли на него съ лаской и совершенно правдиво. И онъ, усаживаясь на свободный стулъ, мысленно воскликнулъ:

„Well! такіе глаза не могутъ обманывать".

Послѣ завтрака они втроемъ поѣхали кататься на автомобилѣ Джона-Эдуарда и пили чай на Cap-Martin, внизу подъ гостиницей. День былъ погожій, не вѣтреный, и они еще прошлись немного пѣшкомъ, по дорогѣ въ Ментону, между соснами и рододендрами.

Въ семь часовъ онъ принялъ ванну и сталъ одѣваться къ обѣду. Вынимая изъ кармана дневного пиджака разныя вещи, онъ вытащилъ анонимное письмо и вторично въ этотъ день выругался. Но письмо онъ всетаки не разорвалъ, а положилъ его въ бумажникъ.

Спускаясь черезъ полчаса вмѣстѣ съ женой въ столовую гостиницы къ обѣду, онъ спросилъ ее почти шопотомъ:

— Мэ, вы куда сегодня вечеромъ?

— Въ оперу, darling, а потомъ ужинать съ миссисъ Стюардъ. А вы, по обыкновенію, въ клубъ до утра?

— Да, я въ клубъ, — проговорилъ онъ медленно. Но я васъ подвезу къ театру.

Она была очаровательна въ своемъ вечернемъ платьѣ цвѣта tilleul, въ формѣ греческой туники, съ длинной шарфъ, спускающейся черезъ плечо до самаго пола. Небольшое декольтэ позволяло видѣть молодую красивую грудь; руки ея были тонки и нѣжны. Маленькая голова была заключена въ желтовато-пепельный тюрбанъ, съ длиннымъ и тонкимъ султаномъ, придерживаемымъ громаднымъ изумрудомъ.

Послѣ обѣда, накинувъ ей на плечи длинное и замысловатое по формѣ и по рисунку манто, одинъ изъ шедевровъ знаменитаго парижскаго художника-портного, онъ подвезъ ее къ театру, и, прощаясь, низко нагнулся и поцѣловалъ ей ладонь руки, маленькій кружокъ розовой кожи, неприкрытый длинной перчаткой.

Какъ она была хороша! Well!

Теперь онъ чувствовалъ себя превосходно и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Ниццѣ, тѣмъ сильнѣе ощущалъ физическую потребность держать въ рукахъ карты. Онъ весь подобрался, какъ хищный звѣрь, готовый прыгнуть.

Мускулы натянулись, и красивое, гладко выбритое лицо съ прямымъ носомъ приняло холодное, стальное выраженіе. Онъ жилъ

* * *

Джонъ-Эдуардъ поднялся по широкой, залитой свѣтомъ лѣстницѣ въ игорныя залы и у почтительно согнувшагося передъ

нимъ тучнаго дворецкаго, съ золотой цѣпью на груди, быстро спросилъ:

— Много народа?

— Начинаютъ съѣзжаться, отвѣтилъ тотъ и широко распахнулъ дверь.

Джонъ-Эдуардъ вошелъ въ игорный залъ.

Вокругъ громаднаго зеленаго стола никого не было кромѣ крупьэ, чей бѣлый пластронъ отбрасывалъ свѣтъ надстольныхъ лампъ, прикрытыхъ темными абажурами. Игроки сидѣли въ креслахъ, на диванахъ или ходили попарно вдоль громаднаго зала, безшумно ступая по толстому ковру. Завидѣвъ Джона-Эдуарда, крупьэ любезно кивнулъ ему головой и насторожился.

Американецъ, пожавъ нѣсколько рукъ, потребовалъ себѣ стаканъ виски съ содовой водой и закурилъ сигару.

— La banque est aux enchères!—крикнулъ крупьэ.

Кто-то сказалъ:

— Сто пятьдесятъ луи!

— Двѣсти,—поспѣшилъ повысить другой игрокъ изъ противоположнаго угла залы.

У Джона-Эдуарда пріятно щекотало въ сердцѣ. Битва начиналась. Онъ подождалъ съ минуту и спокойно сказалъ:

— Пятьсотъ луи.

Всѣ переглянулись и посмотрѣли на него. Крупьэ подобострастно наклонилъ голову и проговорилъ:

— Никто не желаетъ повысить сумму? Разъ, два... три!.. Банкъ проданъ за пятьсотъ луи.

Произошла небольшая суматоха, и темпъ разговоровъ слегка повысился.

Маркеръ у доски, записывающій входящихъ членовъ, сталъ выкрикивать нумера. Наконецъ, вызванные члены усѣлись по своимъ мѣстамъ. Джонъ-Эдуардъ подошелъ къ столу. Онъ быстрымъ взглядомъ обошелъ сидящихъ и, мысленно взвѣсивъ стоимость каждаго, опустился въ кресло. Слѣва лакей поставилъ ему пепельницу для сигары и недопитый стаканъ виски. Справа учтивый кассиръ отсчиталъ ему жетонами и перламутровыми бляхами въ сто и пятьсотъ франковъ десять тысячъ франковъ и вручилъ столько же въ резервъ. Привычнымъ движеніемъ руки Джонъ-Эдуардъ подвинулъ ставку въ сторону крупьэ, положилъ передъ собой запасъ и сталъ ждать картъ.

Пріятно щелкнула новая колода.

— Les cartes passes...

Вотъ онѣ теперь передъ нимъ въ видѣ маленькой горки.

Онъ сдалъ карты, по двѣ направо, налѣво и себѣ. Обѣ стороны потребовали еще по картѣ.

Джонъ-Эдуардъ открылъ свои: выходило девять.

Ловкимъ и быстрымъ движеніемъ лопаточки, сидящій противъ банкомета, крупьэ сгребъ старыя карты и жетоны.

Джонъ-Эдуардъ сдалъ во второй разъ. Справа попросили еще, налѣво открыли восемь. Джонъ-Эдуардъ заявилъ девять.

Опять застучали жетоны. Началась третья талія.

Черезъ часъ игры, иногда проигрывая, но, большею частью, выигрывая таліи, Джонъ-Эдуардъ имѣлъ въ банкѣ болѣе полутораста тысячъ франковъ. Теперь его обыкновенно блѣдное лицо было краснымъ, а глаза горѣли необычнымъ огнемъ. Въ залѣ уже было душно, были открыты окна, и все прибывало народа.

— Vous avez une vrai veine de cocu,—шепнулъ ему фамильярно на ухо, стоящій за его спиной, прогорѣвшій французскій маркизикъ.

Джонъ-Эдуардъ встрепенулся и отодвинулъ отъ себя карты.

— Il y a une suite, проговорилъ онъ своимъ американскимъ акцентомъ, немного въ носъ, и всталъ.

Внизу у подъѣзда ярко горѣли фонари автомобиля.

— Домой и скорѣе! — крикнулъ онъ шоферу, влѣзая въ свой „лимузинъ" и суя, куда попало, банкноты и золотыя монеты.

Свернувъ налѣво, автомобиль черезъ узенькія улицы стараго города достигъ гавани и взобрался на дорогу, огибающую Montboron. Опять показался рейдъ Виллфранки, замерцали огни на судахъ и въ домахъ городка, потомъ зачернѣла оконечность Cap-Ferrat. Автомобиль прибавилъ хода. Въ темнотѣ фонари освѣщали сильнѣе дорогу, обнесенную каменными стѣнами виллъ и, мѣстами, невысокими деревьями и кактусами. На минуту они выходили изъ темноты и сейчасъ же опять исчезали. Впереди автомобиля по землѣ и выше стлался на десятокъ саженъ яркій снопъ свѣта, и свѣтло-желтая дорога бѣжала навстрѣчу съ головокружительной быстротой. Вотъ желѣзнодорожный мостъ при входѣ въ Болье, изгибъ, потомъ виллы „petite Afrique", тоннель Эзъ. Скорѣй, скорѣй! Подъемъ, залпе казино Монте-Карло, опять налѣво, все въ гору, вдоль садовъ и парковъ до самаго подъѣзда гостиницы.

Мягко зашуршали колеса по тонкому песку аллеи и остановились.

Было половина второго.

Не торопливымъ, но рѣшительнымъ шагомъ Джонъ-Эдуардъ подошелъ къ прилавку швейцара и потребовалъ ключъ.

Но тотъ, учтиво приподнявъ фуражку, проговорилъ:

— Ключъ взятъ. Madame уже съ полчаса какъ вернулись...

Джона-Эдуарда этотъ отвѣтъ еще болѣе обезпокоилъ. Но онъ не сказалъ ни слова и поднялся къ себѣ.

Опять сердце екнуло, когда онъ отворялъ дверь. Прихожая и гостиная были ярко освѣщены, и, еще не снимая пальто онъ почти что крикнулъ.

Рис. изъ америк. журн.

— Мэ!

— Это вы, Darling?—послышался изъ сосѣдней комнаты грудной голосъ Мэбелль.—Вы уже вернулись? Какъ рано?

Она вошла въ салонъ.

„Не ожидали", хотѣлъ онъ отвѣтить, но удержался и грузно опустился на близъ стоящій стулъ.

— Да что съ вами, милый?—сказала она участливо. Проигрались, не здоровы?

— Я выигралъ очень много, Мэ, но не въ этомъ дѣло... не въ этомъ дѣло, а вотъ это письмо? Что она... [illegible]
И онъ полѣзъ въ боковой карманъ, чтобы дост... [illegible]

— Я знаю, Джос,—проговорила она медленн... [illegible] трѣть на него въ упоръ.

— Вы знаете? вы знаете, что вы знаете? — [illegible] стро, при чемъ слова насѣдали другъ на друга [illegible] его первое объясненіе съ ней на дачѣ у ея родителей, [illegible] City. Но тогда слова были иныя.

— Ну да, я знаю,—воскликнула Мэ,—и я говор... [illegible] не надо было дѣлать...

— Чего не надо было дѣлать? Да объясн... [illegible]

— Ахъ, это все миссисъ Стюардъ [illegible] тѣмъ же ровнымъ голосомъ. — Я вамъ все объясн... [illegible] она быстрѣе, видя, какъ между бровями [illegible] двѣ глубокія складки.

— Она мнѣ говорила, что это н... [illegible] нельзя допустить, чтобы вы меня так... [illegible] противныхъ картъ. Она говорила... она говор... [illegible] мать что-нибудь, чтобы отвлечь васъ отъ картъ. И [illegible] вѣтовала мнѣ написать это гадкое письмо [illegible] всемъ прочемъ. Она даже подговорила какого-[illegible] онъ въ клубѣ какъ-нибудь возбудилъ въ ва... [illegible] право же не хотѣла этого, Джос, прав... [illegible] лать, и положительно не понимаю теперь, какъ [illegible] дить...

Мистера Ларсона больше не видѣли въ клубѣ.

Никита Кавецкій

Рис. изъ америк. журн.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

... занято сейчасъ ра... въ Красномъ Крестѣ, въ разныхъ общинахъ и лазаре... на раненыхъ домъ; рядъ барскихъ квартиръ ... лазареты, многие берутъ раненыхъ на домъ.

Мы будемъ печатать серію портретовъ и группъ работаю... снимки этихъ барскихъ особняковъ и т. д.

Кавалерств. дама К. Н. Макарова.

Фрейлина И. И. В. Л. В. Никитина. Дочь командующаго войсками Одесскаго округа (въ костюмѣ фрейлины)

Баронесса А. А. Таубе. Вдова Наказнаго Атамана Войска Донского (рожд. княжна Руссіевъ-Корчибашова) въ національномъ грузинскомъ костюмѣ.

РАДОСТЬ ВЕЛИКАЯ.

Пока не грянулъ громъ Войны,
Бродили мы вокругъ стѣны,
Крича, при встрѣчѣ, строго:
—„Мой домъ—вотъ здѣсь, твой домъ—вотъ тамъ,
Такъ, разойдемся-жъ по домамъ!..“
И—шли своей дорогой...
Но звякнулъ мечъ:—„Война!.. Война!..“
И пала старая стѣна!..
И, вотъ, взглянувъ, впервые,
Въ свои сердца,—узнали мы,
Что—братья мы, что братья мы,
Что братья мы родные!..
Отпущенъ намъ великій грѣхъ!
И въ этотъ грозный часъ у всѣхъ
Душа и грудь—едина!..
И эта радость—больше словъ
И пораженія враговъ
И взятія Берлина!

И. А.

Миссъ Бьюкэнэнъ, дочь англійскаго посла и **m-lle М. В. Арцымовичъ**.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Ирина Сергѣевна Хрулева (рожд. княжна Гагарина).

Княгиня Вѣра Мих. Багратіонъ (рожд. Захарина).

Въ англійскомъ посольствѣ.
Дамы англійской колоніи за шитьемъ бѣлья для русскихъ раненыхъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ.
Дамы за шитьемъ бѣлья для раненыхъ.

РУССКІЯ ДАМЫ, БЛИСТАВШІЯ ВЪ ПАРИЖѢ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Графиня Толстая.

Римская-Корсакова.

Княгиня Елизавета Трубецкая.
(подлинникъ находится въ Петроградѣ у шталм. В. Н. Охотникова, женатаго на дочери Елизаветы Трубецкой).

Всѣ три портрета писаны знаменитымъ художн. Второй Имперіи Ф. К. Винтергальтеромъ. Хотя Винтергальтеръ (1805—1873) былъ нѣмецъ, но писалъ почти исключительно портреты французской и русской аристократіи и коронованныхъ особъ. На портретахъ кисти Винтергальтера всѣ выходили граціозны, красивы и вмѣстѣ съ тѣмъ похожи: этимъ, главнымъ образомъ, объясняется мода на Винтергальтера въ то время.

— „Съ меня писалъ Винтергальтеръ"—было своего рода цензомъ на знатность и красоту.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(По поводу статьи „Устрицы и стихи въ кабинетѣ" въ № 10 „Ст. и Ус.").

Стихотвореніе А. Н. Апухтина, о которомъ говорится въ статьѣ А. А. Столыпина, помѣщено въ четвертомъ посмертномъ изд. сочиненій А. Н. (Спб., 1900 г., типогр. А. С. Суворина) съ датою 1882 г., подъ названіемъ „Сонъ".

Вотъ оно:

О, что за чудный сонъ приснился мнѣ нежданно!
Въ старинномъ замкѣ я бродилъ въ толпѣ тѣней:
Мелькали рыцари въ своей одеждѣ бранной,
И пудреныхъ маркизъ нарядъ и говоръ странный
Смущали тишину подстриженныхъ аллей.
И вдругъ замолкли всѣ. Съ улыбкой благосклонной
Къ намъ подошелъ король и ласково сказалъ:
„Привѣтствую тебя, пришлецъ неугомонный!
Ты былъ въ своей странѣ смѣшонъ, поэтъ влюбленный,—
У насъ достоинъ ты вниманья и похвалъ.
У насъ не такъ жилось, какъ вы теперь живете!
Вашъ міръ уныніемъ и завистью томимъ.
Вы притупили умъ въ безсмысленной работѣ,
Какъ жалкіе жиды, погрязли вы въ расчетѣ
И, сами не живя, гнетете жизнь другимъ!
Вы сухи, холодны, какъ сѣвера морозы,
Вы не умѣете безъ горечи любить,
Вы рвете терньи тамъ, гдѣ мы срывали розы...
Какія-то для глазъ невидимыя слезы
Вамъ даже самый смѣхъ успѣли отравить!
Поэтъ, я—Счастіе! Меня во всей вселенной
Теперь ужъ не найти, ко мнѣ не легокъ путь.
Гордиться можешь ты передъ толпой надменной,
Что удалось тебѣ въ мой замокъ сокровенный
Хоть разъ одинъ войти и сердцемъ отдохнуть.
и т. д.

Стихотвореніе сравнительно длинное, на что указывалъ и А. А. Столыпинъ; и, если оно, дѣйствительно, было импровизаціей,—надо удивляться столь выдающейся способности Апухтина... Но нельзя ли предположить, что Алекс., Ник. будучи знакомъ и обращая вниманіе не разъ вмѣстѣ съ другими на упоминаемые въ статьѣ обои кабинета, написалъ это стихотвореніе дома, и потомъ, не выдавая его за импровизацію, просто прочелъ его при случаѣ?.. А, очень ревниво относясь къ похваламъ себѣ и, вообще, къ окружавшему его успѣху въ обществѣ, можетъ быть, не нашелъ въ себѣ охоты нѣсколько охладить дружескую ослѣпленность, принявшую его произведеніе даже за экспромптъ.

Ан. Яр.

* * *

М. Г.

...Въ статьѣ о Каменномъ островѣ вы спутали два лица совершенно различныхъ.

1) Анна Карловна Скавронская, двоюродная сестра Императрицы Елизаветы и одна изъ самыхъ къ ней близкихъ дамъ, была ея фрейлиной и статсъ—дамой (съ 1742 г.). Въ 1760 году послѣ смерти своей двоюродной сестры оберъ-гофмейстерины Глѣбовой, рожденною графини Гендриковой, она была возведена въ это званіе и сохранила его до смерти (1775 г.). При Петрѣ III она получила орденъ св. Екатерины (до 1797 года орденъ имѣлъ одинъ классъ). Принимала участіе въ коронаціи Императрицы Екатерины II. Замужемъ она была только одинъ разъ за Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Свадьба ихъ была въ январѣ 1742 года. Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ былъ пожалованъ графомъ Римской Имперіи въ 1744 г. и впослѣдствіи былъ канцлеромъ, умеръ онъ въ 1767 году въ г. Москвѣ. Скавронскіе были графами россійскими съ 1727 г.

2) Графиня Анна Ивановна Бестужева-Рюмина была дочерью русскаго рожденнаго въ Гамбургѣ фонъ-Беттингера. Въ 1748 г. была пожалована гофмейстериною съ статсъ-дамскимъ портретомъ. Надпись на гравюрѣ относится именно къ ней и никакого отношенія къ Аннѣ Карловнѣ Скавронской не имѣетъ. Графиня Бестужева была гофмейстериною все время, пока была оберъ-гофмейстериною Глѣбова, упомянутая выше. Послѣ ея смерти въ 1756 г. графиня Бестужева была единственной гофмейстериною и исполняла обязанности и оберъ-гофмейстерины. Замужемъ она была за канцлеромъ Римской имперіи графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ 1759 году она послѣдовала за мужемъ въ ссылку въ свое имѣніе Горстово близъ Можайска, гдѣ и скончалась 15 декабря 1761 г.

Членъ Русскаго Генеологическаго общества
А. Кавелинъ.

Редакторъ-издатель **Вл. Крымовъ.**